



| | |
|------------------|---|
| Title | Славяноведение в Японии : История, учреждения и проблемы |
| Author(s) | Ито, Такаюки |
| Citation | スラヴ研究, 25, 127-147 |
| Issue Date | 1980 |
| Doc URL | https://hdl.handle.net/2115/5099 |
| Type | departmental bulletin paper |
| File Information | KJ00000113079.pdf |



Славяноведение в Японии: История, учреждения и проблемы*

Такаюки ИТО

Содержание

- I. Введение
- II. Понятие *славяноведения* в Японии
- III. История
 1. В поисках новых областей знания
 2. На службе государственных интересов
 3. Интерес к идеологии
 4. На пути к науке
- IV. Учреждения
 1. Учебные заведения
 2. Научно-исследовательские учреждения
 3. Библиотеки
 4. Научные общества
 5. Научные журналы и публикации
 6. Научно-информационная служба
- V. Проблемы
 1. Дисциплина или регион?
 2. Образец или действительность?
 3. Языковой барьер
 4. Недостаток литературы
 5. Международные контакты
 6. Возможность заработка

I. Введение

Уважаемые коллеги, сегодня мне предоставилась счастливая возможность выступить в Вашем кругу с докладом о славяноведении в Японии. Такая тема может прозвучать для Вас немного экзотично. Возможно, докладчика встретят с недоумением: А существует ли вообще славяноведение в Японии? Правда, что до сих пор мы не имели столь тесных контактов со славянскими народами, как немцы или французы. Но мы следили довольно напряженно за тем, что происходит в части Европы, населенной славянами. В настоящее время культура и жизнь славянских народов вызывает все возрастающий интерес в Японии.

Разрешите привести несколько примеров. Только в одном городе Саппоро, где я живу, целых 50 человек выписывают *Полное собрание сочинений* Ф. М. Достоевского, которое выходит в Советском Союзе на языке оригинала. К сожалению, данных о том, сколько экземпляров продается по всей стране, нет в нашем распоряжении. Но учитывая, что Саппоро с его населением в один миллион триста тысяч жителей занимает только седьмое место среди крупных городов Японии,

* Доклад, прочитанный 15 марта 1979 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в Москве.

можно представить себе, сколько подписчиков по всей стране. Вторым примером: В 1977 г. молодой библиограф Института славяноведения в Саппоро Дзюн Мацуда составил *Список исследователей Советского Союза и Восточной Европы в Японии*. Согласно его данным, у нас есть 791 славяновед. Из них 30.8% экономисты, 30.1% — литературоведы и языковеды, 14.3% — историки, 14.3% — юристы и политологи, и 7.2% — социологи. По количеству исследователей-славистов Япония уступает только США, если не считать славянские страны. Третьим примером: Год спустя тот же библиограф составил *Библиографию славянских и восточно-европейских исследований в Японии за 1976 г.* Оказалось, что в этом же году по славяноведению вышло в свет 809 названий, 26.6% которых относятся к литературоведению и языковедению, 21.4% к политологии и юриспруденции, 19.7% к экономике, 15.3% к социологии и 11.6% к истории. В это число входят не только научные статьи и труды, но также отчеты о научных сессиях, рецензии, учебные пособия, словари, переводы, научно-популярные сочинения, репортажи и т. д. Но тем не менее количество огромное.

Сегодня мне хотелось бы рассмотреть следующие вопросы: понятие *славяноведения* в Японии, история, учреждения и проблемы. Я хочу заранее попросить у слушателей прощения за некоторые недостатки, могущие встретиться в докладе. Во-первых, я взял на себя смелость выступить на русском языке, хотя я хорошо знаю, что мое знание русского языка оставляет желать много лучшего. Я боюсь, что формулировки не всегда точно соответствуют тому, что я имею в виду. Во-вторых, я приехал сюда, будучи совсем не подготовленным читать такой доклад. Могут встретиться определенные ошибки фактического порядка, так как я не имел возможности проверить все данные. В-третьих, по специальности я историк-международник, занимающийся изучением новой истории Польши. Я приложу все усилия, чтобы дать как можно более полноценный обзор славяноведения в Японии. Но определенная односторонность в связи с моей специальностью неизбежна. Наверняка будут также некоторые непреднамеренные упущения, за которые я искренне прошу прощения как у слушателей, так и у заинтересованных лиц в Японии*.

II. Понятие славяноведения в Японии

Славяноведение — по-японски *сураву-гаку* — относительно новое понятие для японцев. По-моему, это слово введено в оборот только после второй мировой

* Для владеющих английским языком я укажу на следующие сообщения о славяноведении в Японии как полезное дополнение к настоящему докладу: P. Berton et al., *Japanese Training and Research in the Russian Field*, Los Angeles 1956; H. Momose, "A Survey of Eastern Europe from the Viewpoint of Japanese Social Scientists. An Interim Report", *Suravu kenkyu* (Slavic Studies), Sapporo, No. 10 (1966), pp. 27-37; K. Kiga, "Study of the Soviet Union and Eastern Europe in Japan", *Canadian Slavonic Papers*, Toronto, vol 11, No. 2 (Summer 1969), pp. 156-166; H. Momose, "Soviet Studies in Japan", *Annual Review of the Japan Institute of International Affairs*, Tokyo, vol. 5 (1969-1970), pp. 159-168; Sh. Minamizuka, "Japanese Interest in East-Central Europe in Historical Perspective", *Tooshi kenkyu* (Studies in East European History), Tokyo, No. 1 (1978), pp. 4-17.

войны. И сегодня оно еще не пользуется полными правами гражданства в разговорном языке. Но уже 22 года выходит научный журнал под заглавием *Сураву кэнкю* (Славистические исследования). В последнее время у нас все отчетливее формируется славяноведение в качестве одной из отраслей гуманитарных и общественных наук, которая занимается проблемами региона, населенного в основном славянскими народами. В этой связи возникают два вопроса: 1) В каких категориях может быть обозначен регион, населенный преимущественно славянами — этнографических или географических? 2) Является ли славяноведение самостоятельной научной дисциплиной?

В отношении первого вопроса, японские исследователи отдают предпочтение географическому определению, так как при этнографическом определении из поля зрения выпадает ряд районов, хотя и не населенных славянскими народами, но тесно с ними связанных, как, например, неславянские республики Советского Союза или неславянские страны Центрально- и Юго-восточной Европы. Поэтому, некоторые славяноведы у нас предпочитают более точное наименование *сорэн тоо гаку*, что примерно означает: изучение Советского Союза и Центрально-восточной Европы. Как известно, на Западе, а также в Японии, уже давно ведется дискуссия о том, какие страны включает Центрально-восточная Европа, или, как часто в том же самом смысле говорится у нас, просто Восточная Европа. Здесь не место вдаваться в подробности этой дискуссии. Достаточно констатировать, что у нас в общем подразумевается под Центрально-восточной Европой или Восточной Европой регион, охватывающий 7 стран, от Польши на севере до Албании на юге, иногда включая Финляндию, ГДР, Австрию и Грецию.

Что касается вопроса о самостоятельности славяноведения как научной дисциплины, то японские специалисты склонны к отрицательному решению, но считают полезным сотрудничество ученых разных дисциплин гуманитарных и общественных наук, как, например, литературоведов, языковедов, фольклористов, историков, философов, социологов, педагогов, этнографов, экономистов, политологов, юристов, географов и т. д., которые интересуются проблемами этой части света. Научные исследования проблем определенной части света на основе междисциплинарного сотрудничества называются у нас *чиики кэнкю* по-японски, *area studies* по-английски, т. е. региональные исследования. Эта концепция в последнее время находит все большее признание и отражается также в структуре некоторых новых или реорганизованных факультетов и научно-исследовательских институтов.

III. История

Наше славяноведение еще молодо, но уже имеет свою историю. В дальнейшем мне хотелось бы определить в общих чертах важнейшие этапы его развития. С моей точки зрения, их четыре: 1) с середины 70-х годов XIX в. до начала 30-х годов XX века; 2) с начала 30-х годов по 1945 г.; 3) с 1945 г. до начала 60-х годов; 4) с начала 60-х годов по сегодняшний день.

1. В поисках новых областей знания

В 1868 г. в Японии произошел политический переворот, так называемый *Мэйдзи исин*, обновление Мэйдзи. Революционное правительство провело коренные политические и общественные реформы в стране и положило конец политике изоляции Японии от внешнего мира, которая проводилась при феодальном режиме в течение 250 лет. Японская интеллигенция, уже давно стремившаяся расширить свои познания о внешнем мире и болезненно ощущавшая глубокую отсталость своей страны, сразу же взялась за исследование западных стран, в том числе и России. Много молодых ученых и студентов было послано, или по собственной инициативе поехало за океаны и континенты, чтобы изучать культуру и общество Запада. Их цели были утилитарны по преимуществу. Они руководствовались желанием учиться у европейцев. Некоторые японские студенты прибыли и в Россию. Но они скоро увидели, что Россия не принадлежит к числу самых развитых стран того времени, и пришли к выводу, что им там мало чему можно поучиться. Во всяком случае, из японских студентов, обучавшихся в России, вышло лишь небольшое число деятелей, которые впоследствии сыграли значительную роль в науке и других областях жизни Японии, в то время, как из студентов, учившихся в Германии, Франции, Англии и Америке, вышло много выдающихся ученых, писателей, инженеров, государственных деятелей, даже революционеров.

В двух областях, однако, Россия продолжала привлекать внимание японской интеллигенции: в области художественной литературы и общественной мысли. Еще в середине 70-х годов XIX века в Токио был основан Институт иностранных языков, где обучали и русскому языку. Одним из выпускников этого института был Симэй Футабатэй, писатель и переводчик И. С. Тургенева. В 1898 г. он был приглашен преподавать русский язык в тот же институт. Под его руководством изучал русский язык Садатоси Ясуги, который в начале XX века продолжил свое образование в Петербургском университете и после возвращения на родину стал основоположником русистики в Японии. Он был по специальности лингвистом и издал первый научный русско-японский словарь, которым по сегодняшний день широко пользуются как японские, так и советские студенты. Его можно с полным правом назвать отцом японского славяноведения. Из его школы вышел целый ряд выдающихся русистов: Масао Ёнэкава, Хакуё Накамура, Хисаитиро Хара, Ёситаро Ёкэмура и др. Они приложили много усилий для ознакомления японских читателей с великими русскими писателями и поэтами XIX века, как, например, с А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, Н. В. Гоголем, Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, А. П. Чеховым, так что к середине 30-х годов почти все их основные произведения были переведены на японский язык. Теперь, в основном благодаря их усилиям, можно сказать, в мире нет другого народа, кроме русских, у которого русская литература XIX века пользовалась бы такой громадной популярностью, как у японцев.

В 1920 г. в Токио при видном частном университете Васэда была открыта кафедра русской литературы, на место заведующего которой был приглашен Хисаитиро Хара. Год спустя в Осаке был основан второй Институт иностранных

языков с кафедрой русского языка. В 1925 г. недалеко от древней столицы Нара был основан частный институт иностранных языков Тэнри с кафедрой русского языка. Учрежденная в начале 20-х годов Школа японо-русского общества выросла в 1932 г. в известный Харбинский институт в Маньчжурии, который за 13 лет своего существования и выпустил немало превосходных литературоведов и языковедов.

Еще до конца XIX века общественная мысль России начала привлекать внимание японских интеллигентов. Критическая общественная мысль, и прежде всего смелые революционные выступления народников, вызывали весьма живой отклик у оппозиционно-настроенных кругов Японии. Интерес японской интеллигенции к событиям в России и лежащим в их основе идеям особенно укрепился после Октябрьской революции. В 20-е годы и в начале 30-х годов вышло в свет огромное количество переводов сочинений ведущих деятелей русской революции и советских публикаций по общественным наукам. Они сделали ценный вклад в распространение в Японии идей русской революции и знаний о Советском Союзе. Но надо отметить, что речь шла в основном о переводах, и то не с русского, а с третьего языка, например, с немецкого или английского языков. К тому же, японская интеллигенция относилась к событиям в России скорее как ученики к учебникам, чем как исследователи к предмету исследования. Таким образом о формировании японского славяноведения в области общественных наук в этот период еще не может быть и речи. Но все-таки первый шаг в этом направлении был сделан.

2. На службе государственных интересов

Начиная с середины 20-х годов, в японской политике все более обнаруживались шовинистические, милитаристские и фашистские тенденции. В таких условиях только что начавшиеся научные исследования по России встречали все возраставшие препятствия со стороны властей. Многих исследователей, занимавшихся русскими проблемами и стоявших на более или менее оппозиционной точке зрения, изгоняли из учебных заведений и преследовали. Запретили немало научной литературы о России. Дошло до того, что даже интерес к русскому языку казался уже подозрительным в глазах правящих кругов. Для тогдашнего политического климата показательным, что в 1937 году под давлением правительства была закрыта кафедра русской литературы при университете Васэда в Токио.

Однако, нравилась ли соседняя страна правящим кругам Японии, или нет, но исследование её проблем уже давно являлось необходимостью и для них самих. Характерно, что обучение русскому языку ввели первоначально в институтах торговли и военных академиях, а не в крупных, так называемых императорских университетах. Имелась в виду необходимость подготовки в первую очередь торговых и военных экспертов по России. После Октябрьской революции в политике Японии в отношении Советского Союза постепенно на первый план выдвинулись интересы обеспечения идеологической безопасности государства и военно-стратегические соображения. В 30-е годы при прямой или косвенной финансовой под-

держке Министерств иностранных, военных и финансовых дел был основан ряд исследовательских учреждений, которые, в частности, ставили себе задачу заниматься всесторонними исследованиями по Советскому Союзу: Институт Восточной Азии, Совет планирования, Исследовательский отдел Товарищества Южно-маньчжурской железной дороги и Исследовательский отдел Министерства иностранных дел. В эти учреждения было принято на службу большое количество специалистов, которые систематически собирали информацию о Советском Союзе и иногда публиковали результаты своих исследований. Само собой разумеется, что научная ценность таких исследований была ограничена. Но следует подчеркнуть, что японские специалисты по Советскому Союзу здесь впервые ознакомились с общественно-научным подходом к данному предмету, основанным не на заранее заданных постулатах, а на строгих фактах, хотя такой подход применялся тогда еще в очень ограниченном масштабе. Нужно добавить далее, что нельзя считать всех сотрудников этих учреждений сторонниками шовинизма или фашизма. Многие из них были оппозиционно-настроены и руководствовались искренним желанием узнать, что происходит в мире, в частности, в Советском Союзе. Достаточно привести один пример: Ходзуми Одзаки, сотрудник Исследовательского отдела Товарищества Южно-маньчжурской железной дороги, имел контакты с Рихардом Зорге и был казнен вместе с ним. Немало славяноведов марксистского направления в послевоенной Японии рекрутировалось из бывших сотрудников этих организаций.

Знаменательно, что именно в этот период появились первые японские исследования по проблемам стран Центрально-восточной Европы. Интерес к этим проблемам питали прежде всего специалисты по истории международных отношений, которые сами некогда находились на дипломатической службе или имели тесные контакты с официальными кругами. Они считали полезными подобные исследования потому, что внешнеполитический курс стран этой части Европы, по их мнению, непосредственно затрагивал государственные интересы Японии. Аграрные реформы, которые проводились в ряде стран Центрально-восточной Европы в межвоенный период, вызвали интерес некоторых чиновников Министерства сельского хозяйства Японии, где аграрная реформа уже давно стояла на повестке дня. Они подготовили обширные монографии по данной теме. В этот период были переведены некоторые романы выдающихся польских писателей, как, например, В. С. Реймонта, С. Жеромского и Г. Сенкевича. Но это переводы с третьего языка. До войны в Японии еще не было ни одного ученого, который бы владел языками этого района кроме русского.

Число вышедших словарей и учебников русского языка может служить показателем того, какой популярностью русские исследования пользовались среди японских студентов. По данным, имеющимся в нашем распоряжении, в 1929–1944 гг. было издано 104 названия. Это составляет 3.5% всех словарей и учебников иностранных языков, изданных в этот период. Для сравнения приведем цифры, касающиеся других языков: 1,486 (49.4%) английских учебников и словарей, 599 (19.9%) немецких, 276 (9.2%) китайских и 216 (7.2%) французских. Интерес к русскому языку достиг вершины в 1933 г., когда вышло в свет 19 (5.8%) изданий. К сожа-

лению, тиражи неизвестны. Если учитывать тираж, то процент русского языка будет вероятно еще ниже.

3. Интерес к идеологии

После войны в Японии была проведена широкая демократизация многих областей жизни страны. Была восстановлена свобода обучения и исследования. Ряд ученых, преследовавшихся при милитаристском режиме, возвратился в учебные и исследовательские заведения. Свежие силы и идеи наполнили научную жизнь. Проникли они и в славяноведение. Носителями новых идей в славяноведении являлись в большинстве случаев интеллигенты марксистского направления. Интерес к проблемам Советского Союза и стран народной демократии Центрально-восточной Европы был почти тождествен интересу к социализму. Можно сказать, что тогда многие японские слависты в поисках путей революционного преобразования своей родины изучали исторический опыт далеких стран. Еще задолго до войны марксистское учение привлекло многих японских интеллигентов и пустило глубокие корни в академические круги. Одним из показателей распространения марксизма в Японии может служить то, что еще в 20-е и 30-е годы вышли в свет 31-томное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и важнейшие сочинения В. И. Ленина в японском переводе. После войны были изданы новые, более совершенные собрания сочинений основоположников марксизма-ленинизма, в том числе полный перевод изданных в ГДР сочинений Маркса и Энгельса и изданных в Советском Союзе сочинений Ленина.

При этом в 40-е и 50-е гг. основное внимание японских славяноведов было обращено к общественным наукам, в частности, экономике. В те же годы образовалась первая организация славяноведов-экономистов в рамках Научной ассоциации по политической экономии. В научных журналах или отдельными изданиями появилось большое число разработок по разным вопросам социалистического хозяйства. На этот период приходится и начало японских исследований юридической и политической системы социализма. Особенное внимание привлекали вопросы народной демократии. И историки вносили свой вклад. Они сосредоточили внимание на истории общественной мысли, возникновении капитализма, и истории революционного движения в России.

Позитивное значение исследований этого периода заключается в том, что японские ученые, освобожденные от узких рамок государственных интересов, пытались открыть новые области знания и стремились ознакомить японскую общественность с мало известными до тех пор аспектами жизни Советского Союза и стран Центрально-восточной Европы. Следует отметить, однако, что исследования этого периода, за исключением лишь немногих, страдают существенным недостатком. Они освещали предмет не столько на основе строгого анализа фактов, сколько исходя из теоретических предположений о социализме. Такой подход японских славяноведов к предмету можно считать реакцией на довоенный период, когда каждое высказывание симпатии к Советскому Союзу подвергалось жестокому преследованию со стороны правительства. Надо учесть также, что это был период

так называемой холодной войны, когда японские интеллигенты-марксисты считали недопустимым для себя занимать нейтральную позицию. В период холодной войны проявляли односторонность и славяноведы, стоящие в оппозиции к марксистам, хотя и им нельзя отказать в определенных заслугах. Они стремились представить японским читателям те аспекты жизни социалистических стран, которыми ученые-марксисты занимались мало.

Во всяком случае следует помнить, что тогда еще не было материально-технических условий, необходимых для проведения серьезных научных исследований. Я имею в виду печальное состояние японских библиотек. Из-за затяжной изоляции и экономических трудностей после войны японские библиотеки были не в состоянии приобретать зарубежные публикации в достаточном количестве. У нас часто не было самой элементарной литературы. Исследователи были вынуждены пользоваться публикациями, которые попадали к ним более или менее случайным образом.

Особенного внимания заслуживает тот факт, что в этот период был опубликован первый в Японии очерк истории стран Центрально-восточной Европы: *История Восточной Европы*, под редакцией Ёситады Умэды, Токио 1958 г. Это коллективный труд историков, литературоведов, филологов и археологов, которые после многолетнего пребывания в Польше, Венгрии и Болгарии возвратились с богатыми познаниями. Несмотря на серьезные недостатки, которыми этот труд страдает главным образом из-за слабой квалификации его авторов как историков, его основная заслуга в том, что он написан впервые в Японии на основе источников и разработок на языках Центрально-восточной Европы.

4. На пути к науке

С начала 60-х годов японское славяноведение вступает в новую стадию. Приблизительно с этого времени в японской литературе по славяноведению происходит скачок. Речь идет о прогрессе не только количественном, но и качественном. Японские славяноведы медленно, но верно осваивали более дифференцированный, более объективный подход. Этому стремлению благоприятствовала разрядка международной напряженности, отступление политики холодной войны перед мирным сосуществованием. С другой стороны, под впечатлением событий 1956 года в Советском Союзе и Центрально-восточной Европе, и советско-китайского конфликта, выявляющегося все яснее с 1960 года, японские интеллигенты-марксисты начали смотреть собственными глазами и мыслить собственной головой, освобождаясь от влияния застывших догм и идеологий. Тем временем экономические условия страны улучшились настолько, что некоторые крупные библиотеки и вузы постепенно стали систематически собирать материалы на мало известных в Японии языках. Как раз в этот период возник новый подъем интереса к России и Центрально-восточной Европе. Это проявилось наиболее ярко в огромном росте числа студентов, изучающих русский язык. По доступным мне данным в 1949–1953 гг. число слушателей Японо-советского института, популярной школы русского языка в Токио, колебалось между 110 и 236. Но в 1959 г. оно внезапно возросло до 516, в 1960 г. — до 801, и в 1963 г. — до 1180. Это явление — «третий бум»

русского языка, как сегодня называют его преподаватели —, вероятно, связано с так называемым «эффектом советского спутника». Таким образом подрастало новое поколение славяноведов, которые были призваны влить новые силы в японское славяноведение.

Долгое время после войны японские любители русской литературы были вынуждены довольствоваться переизданием довоенных переводов. С конца 50-х годов, однако, читателей удовлетворял постоянный приток совсем новых, улучшенных переводов не только великих писателей XIX века, но и современных. Их издавали огромными тиражами, и часто в нескольких вариантах. Особого внимания заслуживает тот факт, что во второй половине 60-х годов вышла в свет 13-томная антология современных писателей стран Центрально-восточной Европы в переводе на японский. На этот раз все переводы были сделаны непосредственно с оригинала. Не только переводы, но и научные монографии по литературоведению и языковедению публиковались во все возрастающем количестве.

В области экономики развернулась оживленная дискуссия в связи с реформой системы хозяйственного управления в ряде социалистических стран. В последнее время экономисты обращают все большее внимание на хозяйственные системы стран Центрально-восточной Европы и новые экономические теории, разработанные экономистами этих стран. Долгое время у нас отсутствовал творческий обмен мнениями между двумя направлениями экономической науки: марксистским направлением, которое добивается больших достижений в области политической экономии социализма, но проявляет склонность пренебрегать исследованием, основанным на фактах, и увлекаться чисто теоретической дискуссией, с одной стороны, и направлением, которое, наоборот, уделяет мало внимания теоретическим основам социализма, но, пользуясь разработанными на Западе методами, добивается достойных внимания результатов в количественном анализе экономического роста социалистических стран, с другой стороны. Но заслуживает внимания то, что в последнее время творческий диалог все чаще становится возможным, между прочим в связи с тем, что экономисты первого направления стремятся усвоить математические методы и применить их к анализу социалистического хозяйства.

И в области исторической науки достигнут весьма знаменательный прогресс. В 1956 г. небольшая группа молодых историков основала в Токио *Научное общество по истории России*, которое впоследствии сыграло в Японии ведущую роль в исследовании русской истории. Это общество, не получая никакой финансовой поддержки со стороны официальных или коммерческих кругов и опираясь лишь на добровольные взносы своих членов, издает высококвалифицированный научный журнал. По сегодняшний день вышло уже 30 номеров. В 1968 г. вышел из печати сборник этой группы под редакцией Бокуро Эгути: *Исследования о русской революции*. Эта монументальная публикация, насчитывающая 900 страниц и включающая 21 работу, представляет собой новую веху в японских исследованиях по русской истории. Отдельные очерки, усваивающие и одновременно подвергающие критике результаты как советских, так и западных исследований по данному предмету,

находятся на уровне современной науки. В 1969 г. вышел в свет труд Хироси Момосэ: *Введение в историю дипломатии Северо-восточной Европы*. Это весьма серьезная научная монография, несмотря на скромное заглавие. Автор, пользуясь архивными материалами Министерств иностранных дел Финляндии, Германии и Японии и опубликованными материалами на финском, английском, русском, немецком и французском языках, анализирует развитие международных отношений в этом районе мира в межвоенный период и начальный период второй мировой войны. Этот труд несомненно достиг мирового уровня и сделал большой вклад в преодоление многолетнего отставания японской науки в области исследования стран Центрально-восточной Европы. В 1977 г. вышла в свет *История Восточной Европы* под редакцией Тоситаки Яды, новое, совершенно переработанное издание публикации, вышедшей в 1958 г. под тем же самым заглавием. Этот коллективный труд, в котором принимал участие и автор этих строк, представляет собой новейший уровень японских исследований в этой области.

Исследования в области государства и права делают тоже свои успехи. Тенденция юристов к чисто теоретической дискуссии, аналогичная имевшейся у экономистов в свое время, постепенно уступает место более трезвому подходу. Кажется, что молодые юристы в настоящее время интересуются скорее историей, чем современными проблемами. Вышло в свет довольно много научных статей и монографий по вопросам юридической системы Советской России в 1917–1928 гг. Остается пожелать, чтобы они в будущем обратили большее внимание на современные проблемы, на исконную область юриспруденции как практической науки, применяя такой же трезвый подход, как и в исторических работах. Из многочисленных политологических работ внимания заслуживает обширная монография Юдзуру Таниути: *Политическая история Советского Союза: Власть и крестьяне*, Токио 1962 г. Автор, специалист по науке управления, базируясь на громадном количестве материалов на русском языке, анализирует формирование политической системы Советского Союза в 20-х годах. В 1970–72 гг. вышло в свет двухтомное продолжение этой же работы. Оригинальные взгляды, хорошо обоснованная аргументация и огромная эрудиция делают его труды первоклассным научным материалом и, следовательно, значительным вкладом Японии в мировые исследования по Советскому Союзу.

IV. Учреждения

Прежде чем вдаваться в подробности, мне хочется сделать одно замечание: наша наука строится на совсем другой организационной основе, чем ваша, так что вам часто трудно представить себе, как функционирует наша система. У нас нет плана, нет пятилетки. Главное значение придается свободной инициативе отдельных лиц, как в хозяйстве, так и в науке. Такая индивидуальная инициатива пользуется иногда поддержкой правительства или какой-нибудь организации, но очень часто вовсе не находит никакого отклика. В случае, когда поддержки нет, продолжение

дела зависит целиком от настойчивости и энергии личностей, проявивших инициативу.

1. Учебные заведения

Основой каждого славяноведческого исследования является, по-моему, знание языка. Русскому языку обучают у нас, как правило, не на уровне средней школы, а только на уровне вузов. Что касается обучения русскому языку в вузах, то существуют два его вида: обучение студентов, которые выбирают русский как второй после английского обязательный иностранный язык, и обучение студентов, которых готовят как специалистов по русскому языку или русской литературе. Сегодня во многих государственных, муниципальных и частных вузах Японии организуются курсы русского как второго иностранного языка. В Хоккайдском университете в Саппоро, например, ежегодно примерно 250 студентов, около 10% от общего числа, выбирают русский как второй иностранный язык. Наше Министерство образования долгое время относилось пренебрежительно к специализированному обучению русскому языку в вузах. Из бывших семи императорских университетов, которые были предназначены помимо других для подготовки научных кадров, Хоккайдский университет в Саппоро является первым, который организовал кафедру русской литературы, и то лишь в 1952 г. Прошло еще 20 лет, пока другой государственный университет, а именно Токийский университет, открыл кафедру русского языка и русской литературы. В прошлом году, как сообщает пресса, она была открыта в третьем государственном университете. Между тем кафедры русского языка или русской литературы открывались во многих муниципальных и частных вузах, самым авторитетным из которых, пожалуй, является университет Васэда в Токио с восстановленной в 1946 г. кафедрой русской литературы.

В Японии можно учиться русскому языку и вне вузов. Есть ряд частных школ русского языка, самая известная из которых — вышеупомянутый Японо-советский институт в Токио. Уже давно передают курсы русского языка по радио. Недавно открыли курсы и по телевидению. Теперь всякий, кто располагает достаточной силой воли, может учиться русскому языку дома под руководством самых хороших преподавателей. К сожалению, пока нет такой возможности для тех, кто хочет изучать языки стран Центрально-восточной Европы. В вузах очень нерегулярно устраивают курсы таких мало распространенных языков. Студенты, интересующиеся этими языками, пока предоставлены самим себе.

Некоторые вузы, как, например, Токийский университет и университет Васэда в Токио, имеют кафедру советского или социалистического законодательства при юридическом факультете. Одной из бросающихся в глаза тенденций последнего времени, однако, является учреждение кафедры, где применяется комплексный подход к вопросам, касающимся определенной части света. Там совместно преподают и работают языковеды, литературоведы, экономисты, юристы, антропологи, социологи и т. д. Такая кафедра часто является частью более крупной организации, называющейся «факультетом международных отношений» или «факультетом зарубежных исследований» и включающей, кроме русского отдела, отделы, занимающиеся

Америкой, Китаем, Францией, Германией и т. д. Так, например, в 1966 г. открыли кафедру «Культура и общество России» в Токийском университете. Этому примеру последовал ряд частных вузов, самым известным из которых является Софийский университет в Токио.

2. Научно-исследовательские учреждения

В 1955 г. был основан Институт славяноведения при Хоккайдском университете в Саппоро. Сначала это был маленький институт, скорее зародыш института, административно подчиненный юридическому факультету и имеющий только одно место экстраординарного профессора. Но за 20 лет он вырос в настоящий институт, постепенно расширяя свою деятельность и организацию. В 1978 г. он был переименован в Исследовательский центр славяноведения. Этот центр административно самостоятелен, то есть, представляет собой особую единицу в университете наряду с другими факультетами и институтами, и имеет 10 профессорских мест (из них 7 постоянных и 3 временных, то есть, для ученых, приглашенных на временную работу из других научных учреждений как Японии, так и за границы). Центр организован как междисциплинарный исследовательский институт, который ведет собственные исследования и одновременно выполняет функцию координации славяноведческих исследований как внутри, так и вне университета. Как известно, большинство так называемых «Институтов России и Восточной Европы» в США является в действительности не институтами, а лишь координационными центрами для сотрудников того же университета, которые преподают на разных факультетах, более или менее специализируясь по вопросам этой части света. Такого рода «институты» не имеют собственных сотрудников. Наш центр отличается от них тем, что у нас есть собственные сотрудники: литературоведы, историки, междунаrodnики, политологи, экономисты и др. Кроме того, есть и сотрудники, которые работают на других факультетах университета или в совсем других организациях, но одновременно связаны с нашим центром. Подавляющее большинство этих «внешних сотрудников» составляют сотрудники нашего же университета. Их около 30 человек. Связи этой группы с центром имеют более или менее постоянный характер в то время, как внеуниверситетские сотрудники приглашаются в центр на основе ежегодного договора. Число внеуниверситетских сотрудников меняется из года в год.

Исследовательский центр славяноведения при Хоккайдском университете в Саппоро является пока что единственным учреждением этого рода в стране. Институт общественных наук при Токийском университете и Институт экономики при университете Хитоцубаси (бывший Токийский институт торговли) имеют Сектор социалистической экономики. В Институте международных отношений в Токио, связанном с МИДом, в Институте развивающихся экономических систем в Токио, связанном с Министерством внешней торговли и промышленности, и в Комплексном институте сельского хозяйства в Токио, связанном с Министерством сельского хозяйства, имеются Секторы Советского Союза и стран Центрально-восточной

Европы. Все эти учреждения ограничиваются исследованиями в рамках отдельных дисциплин и не ставят себе задачи координировать исследования по различным дисциплинам. В последнее время были учреждены институты Советского Союза и стран Центрально-восточной Европы при нескольких частных вузах, но по-американскому образцу, то есть, институты эти существуют лишь на бумаге. Судя по всему, Исследовательский центр славяноведения в Саппоро призван стать единственным настоящим центром славяноведения в Японии.

3. Библиотеки

В Советском Союзе библиотечное дело централизовано. Отдельные вузы и исследовательские институты покупают для своих библиотек в основном литературу общего типа по данной области на русском языке. Систематическое собрание специализированных изданий, в частности, на иностранных языках, выпадает на долю крупных библиотек, как, например, Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР, Библиотеки иностранной литературы и т. п. Они в свою очередь обслуживают сотрудников отдельных вузов и исследовательских институтов. В Японии библиотечное дело децентрализовано. Каждый вуз и каждый исследовательский институт получает ассигнования на библиотечные нужды более или менее пропорционально числу сотрудников данного учреждения. Выбор приобретаемых публикаций полностью предоставлен сотрудникам. Поэтому часто происходит следующее: ценное собрание литературы по определенному предмету подбирается в тех вузах, где случайно оказалось большое число специалистов по данному предмету. Как вытекает из выше сказанного, славяноведение в Японии является такой отраслью науки, которая первоначально появилась в вузах, расположенных на периферии научной деятельности, как, например, в институтах иностранных языков, в институтах торговли или в частных университетах, и только потом выдвинулась в центр, в крупнейшие университеты. Это естественно отразилось и на библиотечном деле. Хорошая подборка литературы на славянских языках чаще встречается в небольших вузах, чем в крупнейших университетах или центральных библиотеках. Такая децентрализация имеет свои плюсы и минусы. Исключена монополизация научных исследований одним крупным институтом в столице. Зато исследователи в поисках книг вынуждены бегать из одной библиотеки в другую. Вообще говоря, наши библиотеки находятся еще в очень неудовлетворительном состоянии, хотя они в последние годы и прилагают большие усилия к удовлетворению все возрастающих требований славяноведов. В дальнейшем я приведу несколько цифр, чтобы дать Вам некоторое представление о численности книжного фонда на русском языке в японских библиотеках: 47,000 томов в Парламентской библиотеке в Токио, 40,000 томов в библиотеке Японо-советского общества в Токио, 30,000 томов в библиотеках Хоккайдского университета в Саппоро, 25,000 томов в библиотеках университета Хитоцубаси в Токио, столько же в библиотеках Токийского университета, и 20,000 томов в Центральной библиотеке университета Васэда в Токио. В это число не

включены публикации по естественным и техническим наукам. Наше понятие о *томе* сильно отличается от советского, так что нельзя проводить сравнение только на основе количества томов. Но все же невелик книжный фонд на русском языке в наших библиотеках. К сожалению, данных о фонде на языках Центрально- и Юго-восточной Европы нет в нашем распоряжении, но этот фонд наверняка ничтожно мал. Кстати говоря, японские ученые — страстные собиратели книг. В Японии говорят в шутку, что ученые — это животные, покупающие книги. Ясно поэтому, что большое количество ценных книг, особенно на таких мало распространенных языках, как польском, венгерском, сербском и т. д., находится в частных собраниях, а не в библиотеках. Все это отражает отсталость нашего библиотечного дела.

4. Научные общества

В Японии существует ряд научных обществ, которые организуются на добровольных началах. Их функции различны. Важнейшие из них: представлять интересы своих членов в Министерстве образования; организовывать научные сессии; издавать научные журналы; создавать своим членам условия для обмена мнениями и информацией. Я перечислю важнейшие общества японских славяноведов: 1) *Научная ассоциация по русскому языку и русской литературе* — национальная организация русистов, основана в 1951 г.; 2) *Научное общество по истории России* — региональная организация историков, основана в 1956 г. в Токио; 3) *Общество по вопросам Европы и Азии* — организация содействия исследованиям по социалистическим странам, основана в 1959 г. при финансовой помощи МИДа и коммерческих кругов; в 1976 г. присоединена к *Институту международных отношений* в Токио; 4) *Научная ассоциация по социалистической экономике* — национальная организация экономистов в основном марксистского направления, основана в 1963 г.; 5) *Хоккайдское общество по славяноведению* — региональная ассоциация славяноведов, основана в 1970 г. в Саппоро; 6) *Научная ассоциация по вопросам Советского Союза и Восточной Европы* — национальная организация славяноведов, в основном специализирующихся по общественным наукам, основана в 1972 г.; 7) *Научное общество по истории Восточной Европы* — региональная организация историков, основана в 1975 г. в Токио; 8) *Ассоциация по славянским и восточно-европейским исследованиям* — региональная организация славяноведов, основана в 1978 г. в Киото.

5. Научные журналы и публикации

Из многочисленных научных журналов, издающихся в Японии, славяноведению посвящаются следующие: 1) *Россия го росия бунгаку кэнкю* (Исследования по русскому языку и русской литературе), основан в 1955 г., орган Научной ассоциации по русскому языку и русской литературе; 2) *Сураву кэнкю* (Славистические исследования), выходит с 1957 г., ученые записки Исследовательского центра славяноведения при Хоккайдском университете в Саппоро; 3) *Россия си кэнкю* (Исследования по русской истории), издается с 1960 г., орган Научного общества по истории России

в Токио ; 4) *Росия совето кэнкю* (Исследования по вопросам России и Советского Союза), выходит с 1961 г., ученые записки Кафедры русского языка при Институте иностранных языков в Осаке ; 5) *Сорэн тоо гаккаи нэнпо* (Ежегодник Научной ассоциации по вопросам Советского Союза и Восточной Европы), выходит с 1972 г. ; 6) *Тоо си кэнкю* (Исследования по истории Восточной Европы), основан в 1978 г., орган Научного общества по истории Восточной Европы в Токио.

Славяноведческие работы публикуются не только на страницах этих журналов. Гораздо больше публикуется в сотнях других научных журналов, специализирующихся по различным дисциплинам. Поэтому часто трудно бывает отыскивать статьи по славяноведению. Нужно отметить, что в журналах, посвященных славяноведению, пока не применяется строгая система оценки научной квалификации публикуемых статей, так что в них встречаются статьи разного уровня.

В Советском Союзе мне часто задают вопрос: «Как публикуются в Японии большие научные труды?» У нас мало научных учреждений типа институтов Академии Наук СССР, которые бы редактировали и финансировали издание серии научных монографий по данному предмету. У нас нет и государственного издательства типа советского издательства «Наука», которое почти монополистически занималось бы изданием таких монографий. У нас все издательские дела ведутся на частной основе. Будет ли опубликована данная монография, зависит от индивидуального договора между автором и издателем. Есть некоторые издательства, специализирующиеся по научным трудам. Если окажется, что нельзя издать какой-то научный труд на коммерческой основе, можно запросить финансовую поддержку, например, у Министерства образования. В основном публикация серьезной научной монографии у нас почти всегда возможно.

6. Научно-информационная служба

Как японские слависты получают информацию о текущей литературе по своей специальности? Откровенно говоря, научно-информационная служба — одна из слабейших сторон научной жизни в Японии. Это неизбежно отражается и на славяноведении. Правда, уже давно составляется ежегодная библиография литературы на японском языке, и публикуется в *Росия тэчэ* (Русская тетрадь), журнале любительской организации в Токио. Она является в основном библиографией русской художественной литературы и выходит довольно нерегулярно. Первая попытка составить полноценную библиографию по славяноведению была сделана, как я уже упомянул, только в 1978 г. Дзюном Мацудой, библиографом Исследовательского центра славяноведения в Саппоро. В эту библиографию составитель стремился включить все научные публикации по славяноведению, вышедшие за один год, независимо от их специализации, идейного направления, места издания, объема и формы. Библиография эта — несомненно большой подарок для славистов так в нашей стране, как и за границей. Мы очень надеемся, что этот труд будет продолжен и в будущем.

Сложнейшую проблему для японских славистов представляет информация об

иностранный литературе. Наши библиотеки не в состоянии организовать собственную информационную службу. У нас нет и отдельного института, занимающегося научной информацией, типа советского Института научной информации по общественным наукам, и нет специального журнала, постоянно и систематически информирующего читателей о текущей литературе по данной теме, типа, например, советского журнала *Новая советская и иностранная литература по общественным наукам*, издающегося вышеупомянутым институтом. Информацией о новой литературе, выпускаемой как в славянских, так и в неславянских странах, интересующихся снабжают в Японии не столько библиотеки, сколько прежде всего частные предприятия, специализирующиеся на книжной торговле с границей, особенно с Советским Союзом и странами Центрально-восточной Европы. В этой связи я хочу назвать только два предприятия: Наука-сэтэн и Ниссо-тосё. Они содержат филиалы в крупных городах страны и присылают интересующимся бесплатно тематические каталоги, при помощи которых японские славяноведы могут очень быстро сориентироваться, в каком уголке мира, какая книга и по какой теме вышла в свет. Говоря о развитии японского славяноведения в последние годы, нельзя упускать из виду большой вклад в него таких коммерческих частных предприятий. Но надо отметить, что коммерческие предприятия не могут заменять библиотеки или институты. Например, информационную службу о статьях в журналах или коллективных трудах трудно организовать на основе коммерческих интересов. Это, по-моему, собственная область общественных учреждений. Но у нас еще нет ни одного учреждения, которое было бы готово взять на себя эту задачу. Японские слависты пока что вынуждены зависеть от заграничных научно-информационных служб.

V. Проблемы

По мере того, как развивается наука, возрастают и требования к ней, а с ними возникают новые проблемы. Теперь, мне хотелось бы рассмотреть некоторые вопросы, стоящие в настоящее время перед японским славяноведением.

1. Дисциплина или регион?

Традиционные отрасли гуманитарных наук развивались в рамках отдельных дисциплин. Но в последнее время все яснее становится то, что проблемы современного мира требуют нового подхода, выходящего за пределы отдельных дисциплин. Проблемы славянского региона, например, требуют высокоспециализированной научной подготовки и одновременно широкого исследовательского подхода. Как же можно заниматься этими проблемами в рамках факультетов, построенных на основе традиционных дисциплин, где трудно получить необходимое специализированное образование и трудно организовать сотрудничество специалистов из разных дисциплин? Вот почему у нас в последнее время были реорганизованы старые и открыты новые учебные и исследовательские заведения на междисциплинарной основе. Теперь кое-кто задает себе вопрос, было ли это целесообразно. Не оказывается ли подрастающее поколение специалистов, подготовленных на междисциплинарной

основе со специализацией на определенном регионе мира, лишь поверхностно знакомым со всеми дисциплинами и замкнутым в круге узкого регионального интереса, ни с чем не соприкасающегося. Они имеют, правда, довольно хорошие шансы на практическую работу в промышленности, торговле, журналистике, на государственной службе и т. д., так как наше хозяйство развивается, и быстро расширяются наши контакты с зарубежными странами. Но с наукой дело обстоит плохо. Их ждет жестокая борьба за права гражданства в научном мире, так как для «специалистов региона», как их называют «специалисты дисциплины» с немалой дозой презрения к их узкому профилю, число мест на традиционных факультетах — считанное. Их могут принять на службу учебные заведения, построенные на междисциплинарной основе, но тогда, пожалуй, появятся специалисты еще более узкого профиля. Конечно, появляются в последнее время во все возрастающем количестве «специалисты региона», высококвалифицированные и в определенной дисциплине. Они, в свою очередь, относятся с пренебрежением к «специалистам дисциплины», слабо разбирающимся в проблемах того или иного района мира, которые, несомненно, требуют должного внимания. Таким образом возникает конфликт между «дисциплиной» и «регионом». Острота конфликта зависит от области знания. Например, в области литературоведения, языковедения, истории, этнографии и антропологии такого конфликта не существует или, по крайней мере, он не ощущается. Исследования в этих областях, собственно говоря, более или менее связаны с определенным регионом мира. В области философии, политологии, юриспруденции, экономики, педагогики, социологии и психологии, однако, конфликт проявляется довольно остро. Этот конфликт присущ не только славяноведению, и не только Японии. Один американский японист как-то рассказал мне, что в США уже давно наблюдается это противоречие, и социологам или политологам, специализирующимся по Японии, приходится долго бороться за признание в научной среде. Я полагаю, что таким же образом дело обстоит и в Советском Союзе. Но если эта проблема всеобщая, то нижеследующие — чисто японские.

2. Образец или действительность?

Япония располагает довольно богатой традицией изучения зарубежных стран. Мы имеем в виду тысячатрехсотлетнюю традицию *кангаку*, китаеведения в Японии. Китай, колыбель одной из древнейших культур человечества, давно представлял собой центр мира, центр цивилизации Восточной Азии. В противоположность этому, Япония считала себя отсталой, бедной и маленькой страной, расположенной на периферии великой цивилизации. В связи с этим у японских китаеведов сформировалось определенное отношение к Китаю. Путь к цивилизованному миру, казалось им, ведет через Китай. Разумеется, что Китай представлял для них объект поклонения, образец, которому безусловно надо подражать. 900 лет спустя первые европейцы приехали на японский архипелаг. Но скоро феодальный режим ввел политику изоляции и запретил населению угрозой смертной казни всяческие контакты с внешним миром. Только Голландия осталась единственным окном Японии в мир,

да и то контакты с Голландией подвергались жестоким ограничениям. Но все же немало литературы на голландском языке попадало к японским интеллигентам. Итак, формировалась новая наука, голландоведение, по-японски *рангаку*. Интеллигенты скоро увидели, что центр цивилизации передвинулся из Китая на Запад. Японские голландоведы относились к Голландии так же, как некогда китаеведы к Китаю. Голландия — образец, которому следует подражать. После «открытия» Японии возник целый ряд отраслей исследования зарубежных стран. Для специалистов по различным странам более или менее характерно то же самое преклонение перед изучаемой страной, что для китаеведов и голландоведов в свое время соответственно перед Китаем или Голландией. Исключение составляли специалисты, занимающиеся странами, которые вошли или могли войти в состав японской империи в качестве колоний. У последних развивалось, напротив, откровенно презрительное отношение к предмету. Один современный японский китаевед охарактеризовал такое отношение японских специалистов-зарубежников к изучаемым странам как позицию отличника, который взирает снизу вверх — на учителей, и сверху вниз — на отсталых товарищей. Мы убедились выше, что славяноведы не представляли собой исключения. Склонность усматривать в России образец для подражания возросла особенно после Октябрьской революции.

Такой проблемы, по-моему, нет в западных странах. Собственно говоря, нет ничего плохого в подражании. Это часто дает исследователям возможность проникнуть глубже в данный предмет. Если японское славяноведение имеет какое-то преимущество перед западными странами, то именно здесь. Но надо отметить, что есть существенная разница между научным и ученическим подходами. Должная дистанция, критическое отношение к предмету, самостоятельное мышление, постоянные, настойчивые поиски первоисточников, вот то, что требуется в науке. В противоположность этому, от ученика требуется как можно более точное, эффективное усвоение того, чему учит учитель. Повторение — мать учения, это пословица для ученика, но не для ученого. Мы проследили, как японские славяноведы постепенно освобождались от ученического подхода. Но наследие векового прошлого глубоко укоренилось в духе японцев. И сегодня этот пережиток часто встречается в японских исследованиях по зарубежным странам, в том числе и в славяноведении.

3. Языковой барьер

Хотя в Японии обучение русскому языку сделало большие успехи, оно оставляет желать много лучшего. В этом отношении Япония радикально отличается от западных стран. Многие западные славяноведы являются эмигрантами из славянского района мира. Ясно, что для них не существует никакой языковой проблемы. К тому же, языки западных стран, английский, немецкий, французский — все принадлежат к той же самой языковой семье, что и славянские языки. У народов Запада со славянами не только общее языковое происхождение, но также более или менее общая культурная традиция. Поэтому, западным славяноведам не трудно

усваивать славянские языки. Японцы же принадлежат к совсем другой языковой семье и совсем другой культурной сфере. Славянские языки им даются куда труднее, чем американцам, немцам, французам и др. Следует помнить также, что Япония имеет мало контактов с другими народами из-за географических условий — фактор, также затрудняющий изучение иностранных языков. Из всего этого следует, что хотя в Японии насчитывается довольно много славяноведов, но их знание языка, важнейшая основа славяноведения, является ещё весьма неудовлетворительным. Даже преподаватели русского языка, не говоря уже о других славяноведах, часто не в состоянии свободно обменяться мнениями на русском языке с зарубежными коллегами. Японцам предстоят ещё большие усилия, чтобы преодолеть языковой барьер.

4. Недостаток литературы

Японские библиотеки делают все возможное для предоставления необходимой литературы в распоряжение славяноведов. Например, Исследовательский центр славяноведения в Саппоро приобрел в последние годы почти все основные журналы, отражающие общественную мысль России XIX-XX веков в форме перепечаток или микрофильмов, как, например, *Современник*, *Набат*, *Искра*, *Русское богатство*, *Вестник Европы*, *Каторга и ссылка*, *Красный архив*, *Пролетарская революция* и др. В прошлом году он приобрел личное собрание покойного профессора Георгия Вернадского, доцента Пермского университета на Урале, а затем профессора Йельского университета в США, — за 170,000 долларов на аукционе. Отдельные славяноведы тоже прилагают много усилий для собирания литературы по своему предмету. Но эти усилия часто не координированы. Вот один пример: Было у нас такое время, когда интерес молодых историков был сосредоточен на истории рабочего движения на Западе и в России. Тогда в известный Международный институт социальной истории в Амстердаме хлынуло много заказов от японских библиотек и отдельных исследователей на микрофильмирование одних и тех же материалов, касающихся истории рабочего движения. Этот пример указывает на необходимость установить как можно скорее координационный механизм и организовать общенациональную библиографическую службу. Но если это нам и удастся, останется ещё коренной вопрос: абсолютный недостаток литературы. Составление библиотеки — это дело нескольких веков. Для стран, поздно начавших свое развитие, типичнейшим примером из которых является Япония, существуют пределы. Стремиться к формированию всеобъемлющего собрания литературы по славяноведению невозможно и, по-моему, бессмысленно для Японии. Итак, и в будущем японские славяноведы будут вынуждены страдать от недостатка литературы.

5. Международные контакты

Как можно разрешить вопросы языка и литературы? По-моему, один из выходов — это международный обмен. Значение международных контактов заключается в следующем: 1) Можно освоить язык, основу всяческого исследования

зарубежных стран; 2) Можно ознакомиться с литературой, которую не возможно было бы достать внутри страны. Ясно, что литературу на том или ином языке легче всего найти в той стране, где говорят на этом языке, или, в крайнем случае, в крупнейших странах, как, например, в Советском Союзе или в США, где систематически собирают все возможные публикации, выходящие во всем мире. Для такой небольшой страны, как Япония, гораздо более экономичным было бы послать исследователей в подобные страны, чем пытаться самой собрать всю литературу; 3) Значение международных контактов заключается прежде всего в том, что можно обменяться мнениями и опытом с зарубежными коллегами. Невозможно преувеличить значение стимула для научной деятельности, который дают международные контакты.

Само собой разумеется, что страна, с которой русисты прежде всего должны иметь контакты — это Россия. У японских русистов, однако, как нарочно, эти контакты отсутствовали. Многие из них давно занимались Россией, не видя никогда этой страны собственными глазами, и не имея случая обменяться мнениями с русскими коллегами. С другой стороны, им было не легко попасть и в другие страны с развитой традицией русистики, хотя кое-кому удалось найти пути в США, Англию, Францию и Германию. Такое ненормальное положение вещей, а именно изоляция японских русистов от мирового славяноведения, объясняется между прочим тем, что им трудно приехать в Советский Союз с научной целью по частной инициативе — обычный способ заграничных поездок, принятый у японских исследователей. Дело обстоит куда лучше у специалистов по странам Центрально-восточной Европы. Каждый год много японских славяноведов отправляются туда по собственной инициативе и занимаются исследованиями в ряде крупных университетов или исследовательских институтов этой части Европы. Мы, в свою очередь, приглашаем ученых и студентов из этих стран индивидуальным порядком. В последние годы, однако, успешно развиваются научные контакты и с Советским Союзом. В 1973 г. было заключено соглашение между Японией и Советским Союзом по обмену учеными. На основе этого соглашения ежегодно 20 японских ученых, включая естественников, приезжают в Советский Союз, и столько же советских ученых в Японию. Кроме того, производится широкий обмен учеными на основе индивидуальных соглашений между японскими частными вузами и научными обществами и соответствующими советскими учреждениями. Но ещё недостаточно развит обмен студентами и аспирантами. Необходимы дальнейшие усилия обеих сторон в этом направлении.

6. Возможность заработка

В Японии, славистам не легко найти работу. Число мест научных сотрудников в вузах и исследовательских институтах очень ограничено, в частности, в такой новой отрасли науки, как славяноведение. В 60-е годы в Японии произошел «образовательный взрыв»: основывалась масса новых вузов и факультетов, так как студенческого возраста достигли в этот период те, которые родились во время послевоенного так называемого *беби-бума*. Но скоро этот взрыв прошел. Теперь для

поколения славяноведов, подготовленных как раз в этот период, настанут тяжелые времена. Их ждет борьба за ограниченное количество мест в научных учреждениях. Многие уже давно стоят в очереди, занимаясь в аспирантуре. Некоторые отказались от научной карьеры и перешли в промышленность или в торговлю. Тревогу заинтересованных кругов вызывает тот факт, что число студентов, выбирающих русский как второй иностранный язык в вузах, в последние годы постоянно уменьшается, что автоматически означает сокращение и без того немногочисленных мест преподавателей русского языка. Ограниченные шансы славяноведов на заработок связаны и с выше упомянутыми определенными предрассудками в научной среде по отношению к «специалистам региона». Особенно тяжело обстоит дело со специалистами по Центрально-восточной Европе. По данным, имеющимся в нашем распоряжении, они составляют 8.22% от общего числа славяноведов. Но это число имеет тенденцию к повышению. Академических мест, предоставленных им, однако, очень мало. В Японии пока нет ни одной кафедры польского или венгерского языка, не говоря о других областях. Известен такой трагический случай, что талантливый японский археолог, получивший докторскую степень в Лодзинском университете в Польше, не имея шансов на научную карьеру, был вынужден зарабатывать на хлеб, сотрудничая в торговой фирме. Найти способ предоставить молодым славяноведам работу — требование настоящего момента. Нельзя допускать, чтобы образованные, талантливые люди покидали науку.

Сердечное спасибо за внимание!